

Пушкин Александр Сергеевич

Моцарт и Сальери

УДК 82-053.2
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Сергеевич П.**
Моцарт и Сальери / Пушкин Александр Сергеевич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 36 с.

ISBN 978-5-519-79986-7

ISBN 978-5-519-79986-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

двойственность изъ міра и возстановить единовластіе того «разумнаго» закона, которому онъ довѣрился сызмала и которому обязанъ всѣмъ; онъ убиваетъ не Моцарта, а Бога («небо»), и спасаетъ не себя, а человѣчество въ его цѣлесообразномъ трудѣ.

Я избранъ, чтобъ его
Остановить, — не то мы всѣ погибли,
Мы всѣ, жрецы, служители музыки,
Не я одинъ съ моей глухою славой.

Эти слова въ устахъ Сальери — не софизмъ, это его настоящая мысль. Непонятно, чудовишно на минуту нарушенъ законъ: ему, Сальери, выпалъ тяжкій жребій устранить нарушеніе, чтобы опять водворился правильный строй, гдѣ высшія блага даются справедливо, по заслугамъ. Онъ ставитъ вопросъ широко: проченъ только прогрессъ, достигаемый планомѣрностью человѣческихъ усилій. небесныя же озаренія минутны, какъ молнія.

Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ.
И новой высоты еще достигнетъ?
Подыметъ ли онъ тѣмъ искусство? Нѣтъ!
Оно падетъ опять, какъ онъ исчезнетъ:
Наслѣдника намъ не оставитъ онъ.
Что пользы въ немъ? Какъ пѣкій херувимъ,
Онъ пѣсколько занесъ намъ пѣсенъ райскихъ,
Чтобъ, возмутивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть!

Мысль не новая, никогда не умирающая! Намъ невозможно довѣриться капризамъ неба; мы должны взять свое дѣло въ собственные руки и строить хотя медленно, но вѣрно.

Онъ долженъ совершить убійство, и убить ему сравнительно легко, потому что онъ Моцарта не чувствуетъ, какъ личность. На такого, какъ онъ самъ, «жреца, служителя музыки», у него вѣрно не поднялась бы рука, потому что человѣкъ для него — только геометрическая точка цѣлесообразныхъ усилій; гдѣ онъ ихъ видитъ, тамъ для него — человѣкъ, гдѣ такихъ усилій нѣтъ, тамъ марево, тѣнь человѣка. Таковъ въ его глазахъ Моцартъ: призракъ, залетный херувимъ, но только не живая личность. Пушкинъ тонко отмѣтилъ это — умолчаніемъ, именно, полнымъ отсутствіемъ въ Сальери личной жалости къ Моцарту. Въ длинномъ монологѣ Сальери, когда онъ рѣшаетъ отравить Моцарта, нѣтъ ни одного слова сожалѣнія о другѣ и человѣкѣ, о цвѣтущей жизни, которую онъ готовится разрушить. Въ концѣ пьесы, слушая Реквіемъ, Сальери плачетъ не о Моцартѣ, а о послѣдней «райской пѣснѣ», которая сейчасъ должна смолкнуть; и по уходѣ уже отравленнаго Моцарта — ни слова сожалѣнія о немъ, но жестко-равнодушное вдогонку:

Ты уснешь
Надолго, Моцартъ!

Этимъ убійствомъ Сальери думаетъ только поправить случайную ошибку Бога, потому что въ цѣломъ, по его мысли, Богъ стоитъ, конечно, за правильный порядокъ, т. е. за послѣдовательное нарастаніе причинъ и слѣдствій, заслугъ и на-

градъ. Иначе Сальери неспособенъ мыслить; для него Богъ—только санкція чело-
вѣческой разумности и Провидѣніе тожественно съ закономѣрностью; другими
словами, онъ самого себя, свой разумъ признаетъ Богомъ, т. е. Бога собственно
отрицаетъ; поэтому я и говорю, что, убивая Моцарта, онъ тѣмъ самымъ убиваетъ
въ себѣ Бога.

II.

Эта драма есть драма объ одномъ Сальери, Моцартъ-же—только искра, отъ
которой загорается пламя, освѣщающее для насъ душу Сальери. Таковъ излю-
бленный приѣмъ Пушкина: взять душу готовую, вполне насыщенную, поднести
къ ней *извнѣ* соотвѣтственную частицу бытія, — и сразу накопленный въ ней
жаръ вспыхиваетъ пожаромъ, и мы съ изумленіемъ видимъ (о чемъ раньше никто
и не догадался бы), какая страсть назрѣла въ этой душѣ и какъ эта страсть была
сильна. Таковъ и Германъ въ «Пиковой дамѣ». Въ «Моцартѣ и Сальери» Моцартъ
играетъ только служебную роль, и такъ Пушкинъ изобразилъ его. Моцартъ долженъ
быть полярно противоположенъ Сальери въ томъ, что составляетъ сущность
Сальери. Если Сальери олицетворяетъ собою челоѣческое самоутвержденіе, то
Моцартъ долженъ быть весь олицетвореніемъ небесныхъ силъ. Такимъ онъ и
представленъ въ драмѣ. Пушкинъ по себѣ зналъ, какъ много серьезнаго въ душѣ
генія, какъ много скорбнаго въ его жизни, какъ много труда въ его творествѣ.
Но все это въ Моцартѣ скрыто отъ насъ; онъ обращенъ къ Сальери и къ намъ
своей небесной стороной: безпечный въ жизни, безсознательно или шутя создающій
геніальное въ искусствѣ. Онъ творитъ не потому, что силится творить, какъ
Сальери, а единственно потому, что онъ «съ волей небесною друженъ». Его не-
бесную природу Пушкинъ разоблачаетъ еще иначе: Моцартъ безсознательно знаетъ
и близкую свою смерть, и въ Сальери—своего убійцу, о чемъ онъ сознательно,
конечно, не смѣетъ и мыслить; его душа открыта и вѣдѣнію неба, какъ звукамъ
небеснымъ. Онъ, можно сказать, максимально-небесенъ изъ всѣхъ людей, какихъ
могъ встрѣтить Сальери, и потому его явленіе—наиболѣе рѣзкій вызовъ существу
Сальери, какой только возможенъ. Только при встрѣчѣ съ такимъ явленіемъ душа
Сальери должна дать полную реакцію, въ которой она и раскрывается до дна.

Пушкинъ внесъ много тонкихъ чертъ въ противопоставленіе Моцарта и
Сальери. Коренное различіе между ними—въ томъ, что Сальери чувствуетъ себя
«*служителемъ* искусства», а Моцартъ чувствуетъ себя «*сыномъ* гармоніи». Для
Сальери искусство—суровый властелинъ, награждающій за трудъ и по заслугамъ;
искусство—внѣ его, онъ въ потѣ лица трудится для искусства, какъ вѣрнѣйшій
рабъ, и ждетъ, что за усердіе господинъ наградитъ его:

Быть можетъ, посѣтитъ меня восторгъ
И творческая ночь и вдохновенье.

Другого отношенія къ искусству онъ не понимаетъ; оттого онъ каждого изъ
своихъ товарищей оцѣниваетъ въ мѣру его усердія и полезности для общаго
дѣла, оттого и о Моцартѣ онъ ставитъ кардинальный вопросъ: «что пользы въ
немъ?»—т. е. для искусства. Моцартъ не *извнѣ* служитъ музыкѣ, но она органически

въ немъ, или онъ въ ней; онъ вовсе не служить ей и не ждетъ отъ нея даровъ. она какъ-бы изнутри и помимо воли внушается ему:

Намедни ночью
Бессонница моя меня томила,
И въ голову пришли мнѣ двѣ—три мысли.
Сегодня я ихъ набросалъ.

Для Моцарта творчество—одно изъ естественныхъ проявленій его существа, притомъ—изъ пріятнѣйшихъ; Сальери говоритъ о немъ: «гуляка праздный», а онъ самъ называетъ себя: «счастливецъ праздный», да и не себя одного, а всякаго музыканта, потому что иначе онъ не можетъ представить себѣ жизнь въ музыкѣ, какъ только радостнымъ цвѣтеніемъ души въ созвучіяхъ.

Кто изъ нихъ правъ?—Правы оба, хотя по-разному. Человѣкъ, какъ обитаемая имъ земля, не только вращается вокругъ своей собственной оси (Сальери), но и несется въ пространствѣ по далекой орбитѣ. Наша планета гармонично сочетала въ себѣ оба движенія, почему же въ человѣческой душѣ не координировались разумъ и судьба? И вотъ, есть два судилища: предъ судомъ разума правъ Сальери, но явленіе Моцарта—живая красота—вовсе не подлежитъ этому суду. Въ легендѣ о Фринѣ, обнажившейся предъ судьями, есть вѣчная правда.

III.

Бѣлинскій первый заявилъ, что «идея «Моцарта и Сальери» — вопросъ о сущности и взаимныхъ отношеніяхъ таланта и генія». Съ тѣхъ поръ эта невѣрная мысль пустила прочные корни: ее на разные лады повторяли всѣ наши критики, не исключая и Вл. Соловьева¹⁾. Ошибочность такого пониманія хорошо уяснилъ А. Г. Горнфельдъ: «Толкователи «Моцарта и Сальери», усматривающіе въ средоточіи пьесы главнымъ образомъ противоположеніе двухъ художественныхъ и моральныхъ типовъ, несомнѣнно имѣютъ для этого достаточный матеріалъ въ немногихъ страницахъ пьесы... Но мы имѣемъ предъ собою трагедію: эти характеристики—не цѣль изслѣдованія, а средство, путь къ уясненію трагическаго смысла пьесы. Это вѣдь не эпическая повѣсть, не разсказъ о двухъ разныхъ людяхъ, гдѣ средоточіе изображенія—въ статикѣ души, а не въ ея динамикѣ...»²⁾. Этотъ формальный отводъ можно было бы подтвердить цѣлымъ рядомъ положительныхъ заявленій Пушкина, свидѣтельствующихъ о томъ, что въ драмѣ онъ видѣлъ не очную ставку характеровъ, а ихъ дѣйственное раскрытіе. Всѣ свои драматическіе опыты Пушкинъ строилъ по одному, Шекспировскому плану: господствующая страсть характера доводится *на глазахъ зрителей* до предѣльнаго напряженія, и тогда вспыхиваетъ пожаромъ, испепеляя и своего носителя, и все, что въ ту минуту близко къ нему. Наростаніе страсти и, какъ результатъ его, разрушительное дѣйствіе вовнѣ—таково по Пушкину содержаніе драмы. И этотъ же планъ проведенъ въ «Моцартѣ и Сальери».

Естественно напрашивается вопросъ: что побудило Пушкина изобразить страсть Сальери? предстала ли она ему только какъ предметъ художественнаго

¹⁾ См. его статью «Значеніе поэзіи Пушкина» въ «Вѣстн. Европы» 1899, декабрь, стр. 708.

²⁾ Соч. Пушкина, п. ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгаузъ-Ефронъ, т. III, стр. 125.

созерцанія, или у него были съ нею какіе-нибудь личные счеты, и творчество являлось въ этомъ случаѣ, какъ нерѣдко, средствомъ самопознанія и очищенія для самого поэта? Въ прекрасномъ этюдѣ о «Моцартѣ и Сальери» Ю. И. Айхенвальдъ говоритъ: «...Самъ далекій отъ зависти, Пушкинъ глубоко понялъ драму завистливаго сердца... Ничего похожаго на Сальери не было въ личности поэта, и тѣмъ не менѣе онъ, не по образу и подобию своему, сотворилъ Сальери ¹⁾».—Это категорическое утвержденіе едва ли вѣрно.

У Пушкина не мало произведеній объективныхъ, какъ «Полтава», «Борисъ Годуновъ», «Капитанская дочка»; но лучшія его вещи глубоко-автобіографичны, зачаты имъ въ страстныхъ думахъ о его собственной судьбѣ, когда онъ постигалъ вселенскій смыслъ своихъ личныхъ и частныхъ недоумѣній. Таковы «Цыганы», «Мѣдный Всадникъ» и многое другое, и такова же эта маленькая гениальная драма о Моцартѣ и Сальери.

Пушкинъ самъ былъ Моцартомъ — въ искусствѣ, — и онъ зналъ это; но во всемъ другомъ онъ былъ Сальери, — и это онъ тоже зналъ, это онъ мучительно чувствовалъ каждый день, потому что его жизнь была очень трудна. Конечно, даръ пѣсенъ — неоцѣнимое богатство. Онъ самъ сказалъ о себѣ:

Иная, высшая награда
Была мнѣ небомъ суждена:
Самолюбивыхъ думъ отрада
Мечтанья неземнаго сна!

Но почему же не были ему «суждены небомъ» и прочіе дары? Другимъ — удача во всемъ и легкая жизнь, богатство, красота, успѣхъ у женщинъ: тоже сладкіе дары, и тоже данные даромъ. Что за произволъ въ раздачѣ и какая возмутительная, какая оскорбительная несправедливость! Но вѣдь онъ самъ, Пушкинъ — носитель такого-же дарового дара? Такъ; но тѣмъ хуже. Можетъ быть, Пушкинъ вспоминалъ Катенина (въ Сальери рѣшительно есть черты Катенина); Пушкинъ и свой даръ разсматривалъ, какъ частный случай общей несправедливости.

Такъ, мнѣ кажется, родился въ немъ замыселъ «Моцарта и Сальери». Самъ обязанный своимъ лучшимъ достояніемъ безпричинному выбору, произволу «неба», Пушкинъ выступаетъ здѣсь истолкователемъ и адвокатомъ протестующаго сознанія. Его Сальери дѣйствительно герой, потому что дѣйствуетъ не за себя, но отстаиваетъ дѣло всего человѣчества. Въ этой тяжбѣ человѣка съ Богомъ открываются неизслѣдимыя глубины бытія. На что собственно притязаетъ Сальери? Вѣдь и все, что въ немъ есть, — небснаго происхожденія; самая музыка — даръ неба, и говоря: «Родился я съ любовію къ искусству», онъ говоритъ о небесномъ дарѣ, и воля его къ планомѣрной дѣятельности въ искусствѣ питается изъ тайныхъ родниковъ; онъ живетъ въ небесной стихіи, ею дышитъ, ею и въ ней созидаетъ, у него нѣтъ ничего своего. Небесенъ и разумъ, которымъ онъ организуетъ стихію. Но здѣсь онъ и ставитъ предѣлъ: «Разумъ — не только твой, но и мой. И пусть всѣ элементы, изъ которыхъ я строю, — твои, планъ и дѣятельность принадлежать мнѣ, и ты не долженъ вмѣшиваться въ мою творческую работу». Ему предносится

¹⁾ «Пушкинъ», М. 1908, стр. 78.

ослѣпительное видѣніе, какъ человѣкъ изъ бѣднаго матеріала, дарованнаго ему небомъ, самъ, своимъ собственнымъ «усильнымъ, напряженнымъ постоянствомъ», создать свое могущество и красоту. Мы—чада праха, наши желанія пока безкрылы,—но мы *вырастимъ* себѣ крылья, только бы небо не мѣшало намъ своими капризами. Такъ въ Сальери воплощается человѣческій идеализмъ, идеализмъ культуры. Богу отводится роль поставщика матеріаловъ,—строителемъ хочетъ быть самъ человѣкъ. Другими словами, культурный идеализмъ необходимо превращается въ богоборчество.

Это гордое самоутвержденіе, этотъ бунтъ противъ неба Пушкинъ довелъ въ Сальери до послѣдней черты, когда мятежное настроеніе, созрѣвъ, разряжается дѣйствіемъ, именно активнымъ противодѣйствіемъ Верховной силѣ, убіеніемъ ея посла. И Сальери, совершивъ поступокъ, содрогается; мы чувствуемъ, что онъ убилъ и самого себя; ирраціональное въ немъ самомъ, небесный составъ его цѣлостнаго духа, возмущено узурпаціей разсудка, и личность погибнетъ, не вынеся этого разлада. Но въ общемъ культура не такъ активна, не столь ясно сознаетъ свой принципъ. Богоборчество культуры скрыто, оно рѣдко выступаетъ наружу; такъ и Сальери прожилъ долгіе годы въ упорномъ самоутвержденіи, но невинно съ виду, до появленія Моцарта, и, не явись Моцартъ, Сальери дожилъ бы свою жизнь, ни разу *явно* не возставъ противъ неба, хотя и ослушный ему во всемъ.

Нелѣпо говорить о его неправотѣ передъ небомъ: онъ только близорукъ, непрактиченъ, онъ самъ обрекъ себя на гибель. Но какъ-же быть? Не создавать культуры самочинно и послѣдовательно, а ждать посланцевъ свыше, ждать небесныхъ даровъ?—Если бы мы даже рѣшили такъ, намъ невозможно прозябать въ бездѣйствіи; не въ нашей власти заглушить нашъ разумъ—онъ нудитъ насъ творить. Культура неизбежна, культура законна, и Пушкинъ никогда не возставалъ противъ нея. Но онъ зналъ, что верховная власть принадлежитъ ирраціональному началу, о чемъ на казнь себѣ забыли и Алеко, и Сальери.

М. Гершензонъ.

CHINA 1

